

84(2=632.2)

X15

CA-397552

Фирдауса Хазипова

*Чертополох
с окраины Уфы*

Посвящается

Школьным учителям.

*Тем, кто предан был профессии
и одарил теплом и заботой в самую
беззащитную пору нашу — в детстве.*

Одноклассникам.

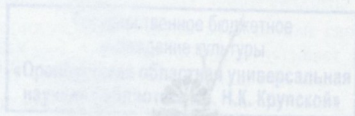
*Нас не случайно собрала судьба
в одном классе.*

Студенческим преподавателям и однокурсникам
Башкирского государственного педагогического института
и Уфимского училища искусств.

*Все непросто в мире,
но и происходит все не просто так.*

Родным, друзьям, сослуживцам, знакомым.
*Пусть никогда не догонят вас запоздалые сожаления
о том, что было, и что не успели сказать
дорогим людям.*

Ныне здравствующие!
*Будьте здоровы, любите жизнь,
и пусть она любит вас!*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПРОФЕССОРУ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2)Рос-4
Х12

Фирдауса Хазипова

Чертополох с окраины Уфы

Роман

Книга 1

са-394552

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

КИТАП
УФА-2021

нет

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Предыстория рода	6
Часть 1. Время яркой большой Луны (50-е годы)	
Глава 1. Детство в Уфе	9
Глава 2. Город Сибай	14
Часть 2. Время жемчужно-серебристых снегов (60-е годы)	
Глава 1. «Детство, как шарик пластмассовый...»	16
Глава 2. «Шпильная какая...»	22
Глава 3. «Речной песок+вода=соляная кислота?..»	68
Часть 3. Время искрящихся на солнце дождей (70-е годы)	
Глава 1. Между небом и землей	90
Глава 2. Первые публикации	93
Глава 3. Блуждающие	94
Глава 4. Рабочая косточка	97
Глава 5. Первое увлечение	100
Глава 6. Депрессия	102
Глава 7. Город чужой	106
Глава 8. Экзамены в УУИ	108
Глава 9. Уфимское училище искусств	111
Глава 10. «Лужа – голубая пропасть»	118
Глава 11. Письма, 1971–74 годы	120
Глава 12. Экзамены в институт	125
Глава 13. Учеба в Башгоспединституте	127
ИнтерССО «Товарищ-75»	134
Второй курс	154
Как Алешка пел «Антошку»	162
ИнтерССО «Товарищ-76»	166
Третий курс	171
Практика по русскому языку	179
Встреча с Анной Ивановной	189
ИнтерССО «Товарищ-77» (ГДР)	190

Четвертый курс	195
Практика по литературе	199
Госэкзамены	204
Глава 14. Канонерка против линкора	207
Глава 15. Письма	210
Глава 16. В деревенской школе	212
Осенняя рапсодия	215
Почему так грустно-то...	219
Тепло человеческое	222
Письма	223
Почти лето	228
Выводы	229
Глава 18. Культура — «дорога в никуда»	232
«Запах тухлой селедки...»	234
Безысходность консервной банки	235
Письма	238
Бронетанковые на марше	243
Эпилог	249
Фотоколлаж	256
Отзывы на книгу «Чертополох с окраины Уфы»	264

Часть 3. Время испаряется на солнце дождем (70-е годы)

Глава 1. Между небом и землей	90
Глава 2. Первые публикации	93
Глава 3. Вульгарщина	94
Глава 4. Рабочая кочевья	97
Глава 5. Первое издание	100
Глава 6. Дипрессия	102
Глава 7. Город ужас	106
Глава 8. Экзистенция в УЭИ	108
Глава 9. Уфимское училище искусства	111
Глава 10. «Ужас — голубая пропасть»	118
Глава 11. Письма, 1971—74 годы	120
Глава 12. Экзистенция в институте	122
Глава 13. Ужас в Башкирском институте	127
НитерССО «Товарищ 75»	131
Третий курс	134
Как Алевтика пел «Антиюк»	162
НитерССО «Товарищ 76»	166
Третий курс	171
Практика по русскому языку	179
Встреча с Анной Ивановой	189
НитерССО «Товарищ 77» (ГДР)	190

Чем далее уходит человек вперед по дороге своей жизни, тем сильнее пробуждается в нем желание приостановиться на этом пути и окинуть взглядом пройденное пространство. И чем короче становится доставшийся на его долю отрезок жизни, тем чаще он оглядывается назад, пробуя понять, зачем пройдено все то, что пройдено.

Эльмар Грин

Предисловие

Название книги сложилось сразу, как название. Чертополох, или татарник. Из каких ассоциаций выросло это определение? Например, синеголовник. Эти обаятельные кусты с колючими шариками сиреневого цвета создают голубовато-сизое дымчатое облачко и растут сами по себе. Но синеголовник однообразно романтичен и весь колюч. Он недоступен для боли. Мне ближе чертополох с острыми зазубренными листьями и нежным волокном цветов. Он жестко колюч. Его листья могут поранить. Но розовато-сиреневые цветы, эти нежные шелковые волокна, повторяющие своими очертаниями вертикально вытарашенные шипы на бутоне, красивы и, увы, легко уязвимы.

Все это сорняки. Но их ценят за лечебные свойства. А знающие люди считают, что чертополох отпугивает нечистую силу и оберегает от сглаза и порчи. Какое это имеет отношение ко мне, трудно сказать. Хотя сходство, несомненно, есть. С детства сама по себе. Иногда колючая... Изгнание нечистой силы... Возможно, отсюда частые конфликты. Не выдерживает моего присутствия нечисть?

84(2)=632.2)

Уфа. Город Уфа — так географически сложилось — одна длинная окраина. Стиснутая между двумя реками: Белой и Уфимкой, она тянется с юга на север неширокой полосой, своими очертаниями напоминая половник о двух концах: на юге — историческая часть города, на севере — бывший город Черниковск, присоединенный к Уфе. Но в какое бы место города ты не приехал, оглянувшись по сторонам, заметишь, что вот она, совсем недалеко окраина.

Об исторической южной части говорить нет смысла — они во всех городах похожи. А вот северная часть столицы Башкирии формировалась в годы бурного строительства крупных заводов и годы массовых репрессий. Здесь было несколько лагерей для советских заключенных, военнопленных немцев, спецпереселенцев. В этих местах до сих пор стоят полуразрушенные бараки, которыми была застроена большая часть северных окраин.

Если рассматривать вопрос глобально, Уфа — это окраина Европы, место ссылки и в царское время, и в советские 30–40-е годы. Но если смотреть еще глобальнее, Башкирия — центр Евразии, поскольку здесь проходит граница между двумя частями света. — Уфа: Казань, 2021. — 272 с.

ISBN 978-5-295-65009-2

ISBN 978-5-295-65010-9 **Предыстория рода**

«Кровь татарская текла рекой...» На эту леденящую кровь историческую информацию я отреагировала совсем по-другому, когда, начиная выяснять свою родословную, услышала от родственника Хамита Хисамова, что наши предки — мишары — в свое время бежали из Казани после разгрома ханства Иваном Грозным. «Кровь татарская текла рекой, трудно было пройти через множество валявшихся трупов. Ими были переполнены берега Казанки под кремлем, ямы, овраги, рвы оборонительных укреплений; местами их кучи доходили до высоты городских стен... Лишь незначительная часть казанцев смогла перейти Казанку и уйти в леса»*.

Из этого месива, в котором, казалось, катастрофически угасает одна из многочисленных наций, выбрались, или сохранились, остатки татарского генофонда, что без преувеличения можно считать чудом.

* Равиль Фахрутдинов. Учебник «История татарского народа и Татарстана. (Древность и средневековье)». Завоевание Казанского Ханства.

Мои предки бежали в лесные районы Башкирии. Дальние корни мне неизвестны, а начало XX века ознаменовалось рождением нашей бабушки — Гальмии Гатиятулловны в деревне Салихово Уфимского уезда Уфимской губернии (ныне Чишминский район Башкирии). В замужестве — Валеевой, затем Баталовой — 15 апреля 1901 года. Ее прадед — Губайдулла, дед — Хисматулла, отец — Гатиятулла; мать, Гайния — дочь Ялалетдина. Брат Гатиятуллы Юмагужа с пятью детьми переехал на жительство в Караидельский, почти таежный район.

Гальмия до 17 лет жила в деревне, ухаживала за парализованной матерью. Из-за этого не могла учиться в школе, которая находилась в семи километрах. Красивая, уверенная в себе, когда она шла по воду с коромыслом, все оборачивались ей вслед. Такой увидел ее чапаевский боец и увез в Уфу.

Наш дед Хасан Валеев (по данным архива, Хасан Мухаметвалиев) родился в 1885 (86) году. Его родители были середняки, мастера на все руки, как их деды-прадеды. Служил у Чапаева. После Гражданской вернулся домой в деревню Уразбахтино Алкинского района. Хотя он любил другую девушку, по настоянию родителей женился на Гальмии. По воспоминаниям дочери Зайтуны, он занимал пост в СИЗО по улице Достоевского, ездил на лошади с тарантасом, в семье были личный конюх, домработница. Хасану дали квартиру в двухэтажном кирпичном доме на улице Красина. Позднее ему выделили служебную машину. Затем работал на швейной фабрике им. 8 Марта механиком и преподавал на курсах механиков (ныне в этом здании расположен Красинский рынок. — Ф. Х.). Когда Хасан заболел чахоткой, семье из ведомственного дома пришлось переселиться в половину дома на улице Сталина, дом 1.

У Хасана и Гальмии родились четверо детей: Зайтуна, Хамза, Халит и Рауза. По традиции они «обрусили» свои имена и стали Зоей, Мишей, Геной и Розой.

Да, от деда нанай¹ терпела много обидного. Он до конца дней продолжал встречаться с любовницей, которая жила около речки Сутолока. Ее женская обида удвоилась, когда бабушка узнала, что муж, принарядив Зайтуна и Хамзу, повез их к той женщине, которая, будучи больной чахоткой, захотела увидеть его детей.

В 1938 году деда не стало (версии смерти разные. Говорили, что он был убит около Сутолоки; кто утверждает, что он умер от туберкулеза).

¹ Нанай — бабушка (тат.).

Когда Хасана не стало, благосостояние семьи резко ухудшилось. «Меня забрал к себе дядя Абдулла Хисматуллин в село Еркеево. Я прожила у них три года, закончила школу, занималась комсомольской работой. Оттуда ушла на фронт», — пишет Зайтуна.

К началу войны на руках у нанай остались трое несовершеннолетних детей. В уфимском оперном театре разместился госпиталь, там нанай стирала солдатское белье. Затем была, по ее словам, костюмершей. В театре работал гармонистом Баталов, наш дальний родственник. Уходя на войну капитаном, он предложил нанай пожениться, чтобы она по аттестату офицера получала продукты. Так бабушка стала Баталовой. Состав, в котором ее фиктивный муж ехал на войну, до места назначения не доехал: его разбомбили.

После войны у нанай был гражданский муж Газим, вместе они прожили около пятнадцати лет. «Он был хорошим человеком: в войну, говорят, за 30 километров ходил к себе в деревню за продуктами, вез их обратно на санках, чтобы прокормить детей», — из письма тети Зои.

У нанай появилось десять внучек: у Зайтуны — три дочери, у Хамзы — Венера, у Халита (дяди Гены) — Альфия и Гузель, у Раузы — Фирдауса, Альмира, Альбина и Рамиля.

ЧАСТЬ 1.

ВРЕМЯ ЯРКОЙ БОЛЬШОЙ ЛУНЫ

(50-е годы)

Ясные звезды жестко светили прямо в глаза и цинично перемигивались между собой, глядя на меня. Таких жестоких звезд я не припомню больше.

Глава 1. Детство в Уфе

Жили мы на высоком крутом берегу реки Белой в Архиерейке, на южной окраине города. Чтобы попасть на улицу Карла Либкнехта, надо по улице Ленина пройти до железных ворот парка имени Матросова, заплатить 10 копеек и пройти его по прямой: мимо читальни в белом деревянном кружеве и с верандой, где допоздна играли в шахматы; мимо летнего кинотеатра и цирка-шапито к противоположному выходу. Там город начинает резко спускаться вниз. Двухэтажные деревянные, потемневшие от времени дома кособочатся, цепляясь за неровную поверхность почвы, улицы петляют между домами, и спускаться приходится где бегом, где мелко семеня.

Это была прекрасная окраина в историческом центре города: внизу река Белая, на противоположном берегу которой уже начинался пригород, так называемая Цыганская поляна, наверху длинное серое здание завода им. Кирова.

Лачуга, в которой поселились на́най, ее дети с семьями, стояла на самом краю плато, которое стекало вниз домиками, огородами и тропками к реке Белой. Со стороны улицы был вход в маленькую темную комнату. В другой половине лачуги была большая светлая, как бы сейчас назвали, студия. Чтобы перейти на вторую половину хибары, надо было пройти по узкой тропинке, прилепившейся к стене дома и обрывающейся вниз

ЧАСТЬ 2.

ВРЕМЯ ЖЕМЧУЖНО-СЕРЕБРИСТЫХ СНЕГОВ

(60-е годы)

Учителя, как никто, знают цену быстротечности времени. Знают цену той секундной заминки или ошибки, которая может круто повернуть жизнь, порой необратимо.

Глава 1. «Детство, как шарик пластмассовый...»

Тонкой змейкой тянется деревенская улица на окраине большого города. Кособокие частные домишки приветливо смотрят из-за зелени своих садов. Яблонигибают ветви до земли, предлагая душистые, пахнущие медом плоды, вишни лукаво поглядывают блестящими глазенками и шаловливо прячутся в густой листве. Кричат петухи, тонко-тонко переливаются голоса ребятишек в звончатом воздухе, из раскрытых окон звучат популярные песни. Проникновенные голоса Зыкиной, Кристалинской органично вписываются в тишину улицы, теряются в верхушках деревьев.

Проснулась, когда прокричали петухи. Солнце играет на металлических ярко начищенных шариках железной кровати. Отдернула ситцевую занавеску и открыла деревянную, слегка истлевшую раму окна. По пыльной желтой колее проехал городской рейсовый автобус, толстобокий, весь в пыли. «Все ждала и верила, сердцу вопреки», — подпевая Кристалинской, выскочила во двор. Осколки солнца сверкают на стрелках молодого лука, стройными рядами выстроившегося на грядке, листьях яблонь, смородины, редиса. И весь мир, казалось, сверкает, обещая бесконечное и безоговорочное счастье на все времена...

ЧАСТЬ 3.

ВРЕМЯ ИСКРЯЩИХСЯ НА СОЛНЦЕ ДОЖДЕЙ (70-е годы)

Куда он пойдет после учебы?
У него ни слуха, ни голоса.

— Ты за него не волнуйся. Его благодаря имени папы и мамы устроят на теплую должность, куда-нибудь чиновником от культуры, и он тебя, прекрасную вокалистку, будет учить, как работать. А ты, безродный котенок, будешь всю жизнь, сбивая лапки в кровь, каракаться вверх, чтобы заслужить то, что таким, как он, дается с рождения, — Имя!

Глава 1. Между небом и землей

Летом на улице Первомайской увидела Валерия Петровича. Он обрадовался и оживленно спрашивал:

— Ну где ты сейчас? Что ты?

— Сейчас я никто. Болтаюсь между небом и землей. Готовлюсь. Вот поступлю, стану на землю твердо.

Он ласково смотрел на меня, передразнивал. Был под градусом, но говорил вполне разумно и, по-моему, соображал нормально. А разговор был странный.

— Слушай, интересный у тебя характер, с одной стороны, непосредственный, наивный, с другой, есть какая-то опытность. Я наблюдал за тобой три года. Видел, что тянешься к литературе. Жалко было, что ты прохладно относилась к математике. Ведь это наука, где сочетаются и литература, и история. Мне кажется, мы могли стать друзьями.

— У меня нет настоящих друзей ни в той, ни в другой школе.

— Ты незаурядная личность и старше их всех по взглядам.

...Итак, мне нужна работа. В редакциях уфимских изданий мне не отказывают, но предлагают вначале поработать на гонораре. Я живу с бабушкой, мама давно мне не помогает ничем. На что я буду жить — это вопрос не праздный для меня.

Глава 18. Культура — «дорога в никуда»

Мощный порыв холодного ветра гонит тяжелые, груженные зябкими дождями и градом облака. Лето в Башкирии, как короткий всполох ярко-синего, зеленого, — и все. Беспросветно тянется неуютное, серое, мокрое.

Устроилась в Уфимский нефтяной институт художественным руководителем студенческого клуба. Художественная самодеятельность была в чести, одним из условий престижа вуза наряду с наукой и спортом. Круг руководителей коллективов был профессиональным: Илья Клигер (хор); Галина Варжель, ансамбль бальных танцев; театральной студией заправляла Людмила Петрова, СТЭМом — Паша Масальский, вокально-инструментальным ансамблем руководил Рашит Зиганов, танцевальным — Риф Карачурин, на хорошем уровне работал духовой оркестр. Позже постановкой кавказских танцев занялся Феликс Кочиев. Не менее интересно выступали солисты клуба «Сентябрь» (Эльшад Теляшев). С удовольствием вспоминаю Владимира Колесникова с песней «Любовь пытаюсь удержать»; Рифа Хуснутдинова с его стихами и задушевно исполняемой песней «Какую песню спеть тебе, родная?»; Рима Давлетова с горного факультета; Леночку, которая обожала меня, как старшую сестру; Фаниса, очень способного саксофониста; Резеду с мандолиной в фольклорном ансамбле и многих других. Студенты нефтяного отличались хорошим духовным развитием, раскованностью, высоким творческим потенциалом.

Маленький неуютный кабинет студклуба на четвертом этаже главного здания. Наши столы напротив: директор — Алия. Жесткая, чересчур жесткая: костюмеры от нее воют. Но другой человек не смог бы загонять студентов в кружки, обеспечивая массовость. По вечерам коридоры наполнялись милыми сердцу звуками: пение, музыка, танцевальные ритмы, декламация.

Работа, повторю, собачья. Вот как я описала некоторые ее моменты Меренковой в письме: «Да, Верунчик, ты права. В городе не легче. Но в деревне — ты учитель, и внешние приличия какие-то соблюдаются. А здесь я — собачка на побегушках. Те же склоки, интриги, только уже от ученых дам и мужей.

Вот один из примеров моей работы: в 17 часов — занятие хора, но аудитория занята. Ученый совет, профессура... Объясняю, что комнату надо освобождать: по расписанию здесь будет занятие хора. Я знаю: сейчас явится Клигер и начнет на меня при всех кричать. Я открываю дверь и говорю студентам «заходите». При этом главное здесь такая тонкость: студентов на хор мы загоняем всеми правдами и неправдами. Уважаемый профессор выталкивает меня из аудитории и кричит «нахалка». Струны лопаются, и я просто реву. Клигер начинает с профессором перепалку. Эти два зубра начинают друг на друга орать. Лишь после обращения в партком восстановился порядок. Но эти минуты будут жечь душу осколками бессилия и бессмысленности конфликта».

Ольга Аксютенок проявляет искреннюю редкую любовь к работе в школе. Все ее разговоры о детишках, ими она много и охотно занимается. Ее упростили, настояли перейти работать в редакцию районной газеты. Она плакала, говорила, что хочет быть только учителем... Трудится в редакции добросовестно, но любви к делу не чувствует. Когда она мне это рассказывала, я ощущала просто физическую боль, как будто мою давнюю мечту растоптали. Почему у меня не получается заниматься тем, что нравится?

Летом встретила в УНИ моих любимых школьных учителей Валентину Андреевну и Ольгу Кирилловну (они принимали экзамены). Очень нежно пообнимались. Ужасно рада была видеть их! Приходили Санька Горбунов с Венером (ИССО-76). Очень хотелось с ними пообщаться, но в душе была такая тяжесть и усталость. Как-то ввалились одноклассники Сережка Пугачев и Валера Колдунов. Ужасно рада была их видеть, но с трудом заставляла себя что-то говорить, улыбаться. Да еще нанайка закатила концерт, вконец испортила настроение. Встретила Иру Серебренникову из училища искусств. Она чувствовала себя некомфортно. «Я по специальности не работаю», — торопливо сказала она и поспешила уйти.

Писком моды стали белые брюки. Муж сестры, официант в ресторане, сшил себе такие из плотной белой скатерти, принесенной с работы. Он подарил мне такую же «ткань», но отдавать шить некогда. Работаю иногда по 12 часов в сутки.

Записка в дверях моей квартиры от Зинон: «Как обычно, тебя нет дома. Приезжала в обком с отчетами. Была в институте. Меня обрадовали, что ты сейчас работаешь в нефтяном. Поздравляю от чистого сердца простыми словами. Видела

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**